

КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ ЛИТВЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Н. Улащик

До реформы 1861 г. взаимоотношения между помещиками и их крестьянами в Белоруссии, Литве и Правобережной Украине регулировались инвентарями. Полный инвентарь содержал в себе физико-географическое описание имения, подробное (до мелочей) описание всего имущества имения, поголовный, поименный список всех крестьян, описание участков и наличного имущества каждой крестьянской семьи и определение следующих с каждой семьи повинностей. В инвентарь вносилось и некрепостное население, жившее в имении¹. Таким образом, инвентарь представлял полное хозяйственное описание имения с указанием размера получаемого с него дохода, что было очень важно при часто практиковавшейся сдаче имений в аренду. Инвентари (существовавшие с середины XVI в.) не ограничивали власти помещиков над крестьянами. Составлялись они владельцами имений и были до 1844 г. документами частными и необязательными и поэтому имелись не во всех имениях.

После польского восстания 1830 — 1831 гг. русское правительство, стремясь ослабить в крае политическое влияние польских помещиков и опасаясь крестьянских волнений, решило несколько ограничить власть помещиков над крестьянами, установив нормированные, определённые повинности для последних. Для этого необязательные инвентари были превращены в обязательные, утверждаемые государственными органами.

Составление инвентарных правил было поручено в 1840 г. Особому комитету западных губерний, созданному после восстания 1830—1831 годов. Комитет, состоявший из высших сановников государства, потратил на это четыре года; правила были утверждены Николаем Первым 15 апреля 1844 года².

Правила 1844 г. не затрагивали основ феодально-крепостнической системы. Крестьянин продолжал оставаться в полной зависимости от помещика. Помещик мог его продать, перевести с участка на участок или из одного имения в другое, мог отобрать у него надел или уменьшить его; мог перевести с барщины на оброк и обратно — с оброка на барщину; мог забрать в фольварк в качестве батрака и т. д. Правила не требовали проведения точного обмера и описания имений, и поэтому помещик имел возможность указывать преувеличенные размеры крестьянских участков и соответственно этому требовать увеличенных повинностей.

Формально объём всех повинностей с крестьян в пользу помещика должен был определяться в зависимости от размера земельного участка и плодородия почвы, т. е. от доходности участка, а не с души, не с семьи, однако фактически повинности отбывали и те крестьяне, которые не имели не только земли, но и хаты, так называемые кутники, — таким образом, повинность падала на личность крестьянина.

Для практического руководства всей работой, связанной с введением обязательных инвентарей, т. е. для определения следующих с крестьян-

¹ См. «Состав и значение инвентарей в помещичьих имениях областей, возвращённых от Польши». Журнал Министерства Внутренних Дел (ЖМВД), стр. 244—245. 1843. Ч. 1-я.

² Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦИИАЛ), ф. Комитета западных губерний, д. 33, 34.

ской семьи повинностей, утверждения инвентарей и наблюдения над их соблюдением были созданы губернские инвентарные комитеты, составленные из губернских чиновников и дворян. Председателями комитетов были гражданские губернаторы. Комитеты прежде всего занялись установлением принципов определения доходности крестьянских участков применительно к условиям каждой губернии. Таким образом были разработаны и утверждены в 1846 г. губернские правила составления инвентарей. Обязательные инвентари вводились с 1847 по 1852 год.

Согласно существовавшему в крае обычаю, крестьяне должны были давать помещику третью часть валового дохода со своих участков (отсюда название системы повинности — «третьяк»). Повинность эта обычно выражалась в работе. Нет нужды разъяснять, что крестьяне должны были работать и платить намного больше того, что требовал от них старинный обычай. Инвентарные правила 1844 г. лишь закрепили уже выполнявшиеся крестьянами повинности, запретив помещикам произвольно увеличивать их. Крестьяне получили при этом право жаловаться на помещиков, если последние нарушали инвентари. Это постановление носило, однако, совершенно формальный характер, так как подать жалобу на помещика и добиться удовлетворения её крестьянину было очень трудно. Лишь в отдельных случаях, при вопиющих нарушениях инвентарей помещиками, признавалась правота крестьян и сверхинвентарные повинности отменялись.

В Литве и Западной Белоруссии господствовало подворное землепользование. Общинное землепользование было фактически уничтожено ещё в XVI в., в результате так называемой волочной померы — землеустройства, проведённого в государственных и частных имениях. При волочной помере для каждого отдельного крестьянского хозяйства нарезывалась волока — участок пашни размером около 21 гектара, разделённый на три поля, применительно к трёхпольной системе земледелия. На такой участок селились одна или несколько семей. Повинности с волоки поступали независимо от того, какое количество человек сидело на участке. С течением времени, в связи с ростом фольварков, сократилось общее количество принадлежавшей крестьянам земли, крестьянство дифференцировалось, и размеры крестьянских участков не стали соответствовать волокам.

В таких условиях происходил процесс разложения феодально-крепостнической системы в Литве и Западной Белоруссии.

В 40-х годах XIX в. в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях процесс перехода от замкнутого натурального хозяйства к товарно-денежному чрезвычайно ускорился. Одновременно это означало быстрое разложение тех основ, на которых держалась феодально-крепостническая система.

Росту товарно-денежных отношений благоприятствовало наличие в рассматриваемых губерниях относительно большого числа потребляющего населения — перед реформой здесь насчитывалось 258 700 человек городских жителей³, что составляло 9,6% всего населения.

Среди потребителей следует учесть также войска и отходников (только на плотках и речных судах летом работало около 50 тыс. человек) и многочисленное еврейское неземледельческое местечковое население.

Особенно высокий процент неземледельческого, потребляющего населения был в западной части Гродненской губернии, где концентрирова-

³ Корева А. «Виленская губерния», стр. 307. СПб. 1861; Бобровский П. «Гродненская губерния». Ч. 1-я, стр. 697. СПб. 1863; Афанасьев Д. «Ковенская губерния», стр. 286. СПб. 1861.

лась значительная часть промышленного производства. В уездах Белостокском, Сокольском, Бельском и Гродненском было сосредоточено около трёх четвертей всей промышленности этих губерний.

Второй причиной, обуславливавшей рост товарно-денежных отношений в этих губерниях, была близость к балтийским портам, что облегчало и удешевляло сбыт продуктов на иностранные рынки.

Рыночные связи помещичьего хозяйства установились ещё в дореформенной Литве и Западной Белоруссии, причём наиболее прочными они были в западных уездах Литвы и Белоруссии. В отношении Жмуди (Западная Литва) один исследователь в 1859 г. писал, что там «большая часть зерновых произведений вывозится на продажу»⁴. То же можно сказать относительно западных уездов Гродненской губернии. Основными поставщиками товаров для рынка были помещики. Важнейшим продуктом, предназначенным для рынка, было зерно, точнее рожь. Количество зерна, собиравшегося только с собственно помещичьих полей, было очень значительно. В один из самых неурожайных предреформенных годов — 1854 — помещики собрали 2 232 163 четверти зерна, а в 1859 г. — 2 815 670 четвертей⁵. Нельзя, конечно, ручаться за точность приводимых цифр, тем более нельзя установить точное количество зерна, поступавшего на рынок, но, во всяком случае, оно составляло более полумиллиона четвертей.

Необходимо оговориться, что сбыт зерна на рынок носил здесь специфический характер. Помещики Литвы и Белоруссии имели право пропинации, т. е. производства и продажи водки. Поэтому рожь поступала на рынок преимущественно не в виде зерна или муки, а переработанная на водку, так как реализация её в таком виде была наиболее выгодной.

Мы не располагаем точными данными относительно того, какой именно процент ржи продавался в виде зерна и какой перерабатывался на водку, но источники указывают, что последний был значительно выше первого количества. Так, по сведениям Комиссии народного продовольствия, в одной только Гродненской губернии на водку ежегодно перерабатывалось 200 тыс. четвертей озимого и 67,5 четверти ярового хлеба⁶. Винокурни были рассеяны по всем трём губерниям и являлись чуть ли не обязательной принадлежностью каждого, сколько-нибудь значительного имения. «Выкурка вина, — писал виленский губернатор, — из хлеба и картофеля, как пособие для сельского хозяйства и как источник денежной выручки, распространена повсеместно»⁷. Всего в крае перед реформой было 876 винокурных заводов, которые вырабатывали в год продукции (водки) на сумму в 2 869 103 рубля⁸. Почти все винокурни принадлежали помещикам.

В естественном виде зерно сбывалось на местном рынке и экспортировалось за границу. По сообщению виленского губернатора, на ярмарках этой губернии «главный торг заключался в сбыте разного сорта хлеба, пеньки, огородных овощей, разного рода скота и вообще местных земледельческих плодов и произведений, доставляемых местными жителями»⁹. Один город Вильно потреблял за год ржи 82 тыс. четвертей, пшеницы 38 тыс. четвертей, ячменя 27 тыс. четвертей, овса 40 тыс. четвертей, гречихи 12 тыс. четвертей¹⁰.

⁴ Петерсон Е. «Об основаниях, условиях и последствиях перевода барщинных крестьян на наёмно-оборочное положение в некоторых поместьях Ковенской губернии». Журнал министерства государственных имуществ (ЖМГИ). 1860 г., март, стр. 140.

⁵ Цифры эти вычислены по таблицам сбора хлебов и картофеля, прилагаемым к отчётам губернаторов. ЦГИАЛ, ф. Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел (МВД, ДОД). Отчёты губернаторов за 1848—1860 годы.

⁶ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 325.

⁷ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт виленского губернатора за 1859 г., л. 14.

⁸ Корева А. Указ. соч., стр. 503—506; Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 277; Афанасьев Д. Указ. соч., стр. 466.

⁹ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт виленского губернатора за 1856 г., л. 12.

¹⁰ Киркор А. «Историко-статистическое описание гор. Вильно», стр. 121.

Второй важнейшей товарной культурой являлся лён. Особенно большое значение он имел в хозяйстве Ковенской губернии, где его разводили как помещики, так и крестьяне. Современники были даже склонны считать лён главной культурой этой губернии. «Основание народного богатства в Ковенской губернии составляет возделывание льна», — писал в 1860 г. Михневич¹¹. Однако он преувеличивал значение льноводства в губернии, так как первое место всё же принадлежало зерновым культурам. Но это наблюдение указывает на значительный удельный вес льноводства в сельскохозяйственном производстве.

Крупными центрами производства льна были также Белостокский и Пружанский уезды, Гродненской губернии, и Дисненский уезд, Виленской губернии. Лён предназначался преимущественно на продажу, точнее на экспорт. В экспорте Литвы и Западной Белоруссии он занимал первое место. Этому способствовали высокие цены на лён. Берковец льна в 1860 г. стоил в Риге и Либаве 25—35 руб., а несколько раньше — 50—60 руб.¹² В 1854 (неурожайном) году в одном только Дисненском уезде, Виленской губернии, было получено 74 тыс. пудов льна, большая часть которого была продана в Риге¹³.

В 40-х годах XIX в. важной товарной культурой стал также картофель, который к этому времени являлся уже одной из основных полевых культур. В первой половине XIX в. картофель был основным заменителем хлеба в питании населения и зерна — в производстве водки. О размерах производства картофеля можно судить по тому, что в 1857 (урожайном) году на помещичьих полях трёх губерний было собрано 1 034 804 четверти картофеля, а на крестьянских — 968 273 четверти¹⁴. Несмотря на огромный для того времени размер производства картофеля, в качестве рыночной культуры он значительно уступал ржи или льну и использовался преимущественно как сырьё при производстве водки. Он совершенно не шёл на экспорт и относительно мало сбывался на местном рынке.

Остальные товарные сельскохозяйственные культуры — сахарная свёкла, горчица — имели слабое распространение и поступали на рынок в очень небольшом количестве.

Товарный характер приобретало в крае в дореформенный период также и животноводство. Сильнее всего оно было развито в Гродненской губернии, где «у каждого более зажиточного помещика был породистый скот»¹⁵. Наиболее развитой товарный характер в этой губернии имело овцеводство (разведение мериносов), так как шерсть мериносов целиком предназначалась для продажи. В 40-х годах в Гродненской губернии насчитывалось около 500 тыс. мериносов¹⁶. В дальнейшем число их вследствие сильных неурожаев сократилось, но всё же было значительно.

Многочисленные суконные фабрики этой губернии предъявляли большой спрос на шерсть, который местные овцеводы были не в силах удовлетворить. Поэтому большое количество шерсти привозилось в Гродненскую губернию из Украины и Польши.

Многие помещики заводили у себя породистый рогатый скот — коров голландской, тирольской, ливонской и жолавской пород¹⁷. С полной определённости можно сказать, что в крае перед реформой происходил переход к молочному скотоводству. Помещики, имевшие наиболее рациональ-

¹¹ Михневич А. «Сельское хозяйство Ковенской губ. Памятная книжка Ковенской губ.», стр. 24. 1861.

¹² Там же, стр. 40.

¹³ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт виленского губернатора за 1854 г., л. 196.

¹⁴ Там же. Отчёты губернаторов. Приложения к отчётам.

¹⁵ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 1-я, стр. 333.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт гродненского губернатора за 1841 г., л. 31.

¹⁷ Корева А. Указ. соч., стр. 480, 481; Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 132, 133; Афанасьев Д. Указ. соч., стр. 252, 393; Арсеньев «Статистические очерки», стр. 299.

но поставленное хозяйство, заводили породистых коров, строили сыроварни и маслобойные заводы и сбывали готовую продукцию в Вильно и Гродно¹⁸. Один город Вильно потреблял в год 14 тыс. пудов коровьего масла¹⁹.

Широко сбывая свою продукцию на рынок, помещики одновременно покупали большое количество разнообразных промышленных изделий. Для нужд помещичьих имений поступали не только предметы роскоши, но и сельскохозяйственный инвентарь — плуги, бороны, молотилки, — затем дешёвая мануфактура, топоры, обувь и пр. Таким образом, помещичье хозяйство было очень тесно связано с рынком.

Значительно более натуральный характер, чем помещичье, имело крестьянское хозяйство. Богатые крестьяне, особенно Жмуди и западных уездов Гродненской губернии, производили продукты для рынка. Только льна отдельные богатые жмудские крестьяне сбывали в год по 5—10 берковцев, каждый стоимостью от 25 до 60 рублей за берковец²⁰. Кроме того эти крестьяне имели значительные излишки зерна и скота, которые также сбывались на рынке. В обмен на свою сельскохозяйственную продукцию крестьяне покупали большое количество промышленных товаров: текстиль, сельскохозяйственные орудия и т. п. Кроме того эти крестьяне постепенно накапливали денежные средства, вкладывавшиеся ими преимущественно в собственное хозяйство; в промышленность и торговлю крестьяне вкладывали свои средства крайне редко. Однако основная масса — бедные и средние крестьяне — продавали на рынке очень мало продуктов. Необходимые им денежные средства — для уплаты государственной подати, чинша помещику, покупки совершенно необходимых вещей, таких, как соль, топоры, сошники, — крестьяне добывали преимущественно на лесоразработках, лесосплаве и на земляных работах. Хату, хозяйственные постройки, мебель, утварь, одежду и обувь они обычно изготавливали сами. «В своих хозяйственных орудиях и утварях (!) крестьянин обходится вовсе почти без железа, сбруей довольствуется мочальной и лыковой»²¹, — писал А. Киркор.

Внутренняя торговля в значительной мере осуществлялась на многочисленных ярмарках (в трёх губерниях была 181 ярмарка), небольших по размеру, имевших преимущественно местное значение. Крупная ярмарка имела только в маленьком местечке Зельве, Гродненской губернии. На эту ярмарку прибывали купцы из всей Белоруссии и Литвы, из Москвы, Петербурга, а также из губерний Нижегородской, Киевской, Смоленской, Владимирской, из Польши и Германии. Сюда же доставляли свои товары помещики и крестьяне соседних уездов. Товарооборот зельвенской ярмарки составлял около половины товарооборота всех ярмарок трёх губерний²². В 1858 г. на все ярмарки края было доставлено товаров на сумму 1 631 282 руб., в 1860 г. — на 1 829 940 рублей²³.

За границу шли прежде всего сельскохозяйственные товары: хлеб, лён, льняное семя, пенька, лес, дрова, а также незначительное количество промышленных изделий — гродненские текстили и водка — отправлялось в Пруссию. В 1849 г. из Гродненской губернии было отправлено за границу товаров на сумму в 2 146 331 руб.²⁴, в 1850 г. — на 1 944 815 рублей²⁵. По рекам Муховцу и Западному Бугу за границу шли лес и спирт²⁶, по Западной Двине — преимущественно лес и лён (из Дисненского уезда,

¹⁸ Кнютфер «Агрономическое путешествие». ЖМГИ № 20 за 1846 г., стр.

¹⁹ Киркор А. Указ. соч., стр. 121.

²⁰ Михневич А. Указ. соч., стр. 40.

²¹ Киркор А. «Северозападный край империи». ЖМВД. 1843 г., кн. 1, стр. 224.

²² Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 429—466.

²³ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёты губернаторов. Приложение к отчётам, табл. 17.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт гродненского губернатора за 1849 г., л. 31.

²⁵ Там же. Отчёт виленского губернатора за 1859 г., л. 92.

²⁶ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 383.

Виленской губ.), по Днепро-Бугскому и Огинскому каналам — большое количество хлеба, сала, кож (но это были в большинстве случаев украинские товары). Значительное количество товаров — льна, зерна — жмудские уезды доставляли в Либаву и Ригу гужом.

Рост товарно-денежных отношений в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях подрывал основное условие существования феодально-крепостнической системы — натуральность хозяйства. «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»²⁷.

Перед реформой как Литва, так и Западная Белоруссия были районами крупного помещичьего землевладения. В Гродненской губернии помещикам принадлежало 58,5%, в Виленской — 69,5% и в Ковенской — 74,6% всей земли²⁸. При этом у 176 крупных помещиков (владевших имениями, в которых было свыше 500 душ крепостных), составлявших 3,4% всех лиц, владевших населёнными имениями, сосредоточивалось около 40% всех крепостных крестьян²⁹. В то же время у массы мелких помещиков, владевших имениями с населением до 21 души, было только 22,6% крепостных³⁰.

До 40-х годов XIX в. во всех губерниях господствовала барщина. Но в 40-х годах в Жмуди и около крупных городов в других районах начался быстрый переход от барщины к оброку, точнее к чиншу, т. е. к денежной ренте. Особенно ускорились темпы перехода на эту систему в последние, предреформенные годы. В 1854 г. Ковенский инвентарный комитет поставил уже вопрос об обязательном переводе всех повинностей крестьян на денежные.

При чиншевой системе крестьяне пользовались относительно большей свободой в своей хозяйственной деятельности, быстрее происходил рост наклпений у отдельных крестьян и соответственно быстрее шло расслоение деревни; с одной стороны, выростала прослойка богатых крестьян-фермеров, с другой, — прослойка безземельных и бездомных батраков.

Показателем роста товарно-денежных отношений является и то, что помещики стали переводить на деньги целый ряд натуральных повинностей и прежде всего дани — приношение кур, гусей, яиц, орехов, грибов и т. п. В части имений Виленской губернии и в большинстве имений Ковенской при перечислении повинностей помещики указывали денежный эквивалент дани³¹.

Какие причины заставляли помещиков переходить с барщины на чинш? Одной из причин послужили крестьянские волнения. В 1851 г. в Виленской губернии имели место волнения поиезуитских крестьян³², прохо-

²⁷ Ленин. Соч. Т. III, стр. 140. Изд. 3-е.

²⁸ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 6; Корева А. Указ. соч., стр. 108; Афанасьев Д. Указ. соч., стр. 459.

²⁹ Тройницкий А. «Крепостное население России по данным 10-й народной переписи», стр. 45. СПб. 1861.

³⁰ Там же.

³¹ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Губернии Виленская и Ковенская.

³² Поиезуитскими назывались крестьяне имений, принадлежавших до 1773 г. иезуитам. После уничтожения Иезуитского ордена эти имения были проданы шляхте, с условием платить в казну ежегодно 6% стоимости имений. Фактически эти имения являлись полной собственностью помещиков, но при разделе и продаже они подчинялись особым условиям.

дившие под лозунгом перевода повинностей по примеру государственных крестьян на чинш³³.

Позже, в 1856—1857 гг., с теми же требованиями выступили и добились перевода на чинш крестьяне Юрбургского майоратного имения Васильчикова³⁴. Чаще всего, однако; на чинш помещики переводили по своей инициативе, так как при чиншевой системе доход с имений обычно был выше, чем при барщине.

При барщинной системе «вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства—например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарём обрабатывали её, получая с неё своё содержание»³⁵. Следовательно, барщинное хозяйство в «чистой» форме предполагало отсутствие собственного помещичьего инвентаря и скота, так как все работы по имению выполнялись крестьянами, их скотом и инвентарём. Эта «чистая» форма барщинного хозяйства перед реформой занимала уже в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях незначительное место. В большинстве случаев помещики имели у себя батраков из своих крепостных или вольнонаёмных, рабочий скот (лошадей, волов) и инвентарь (обычно улучшенный) — плуги, бороны, веялки, молотилки, соломорезки, и часть работ в имениях выполнялась с помощью этих батраков. Иногда часть работ выполняли вольнонаёмные рабочие. Так, в крупном имении Заблудове, помещика Крузенштерна (Гродненская губерния), администрация имения за одно лето истратила 2620 руб. на наём рабочих в помощь крестьянам³⁶. Однако основная масса работ, безусловно, выполнялась ещё барщинными крестьянами. Крестьяне пахали и борошили, сеяли и убирали урожай, косили и убирали сено, возводили постройки, рубили лес, отвозили готовую продукцию к месту назначения. Крестьянки жали, пололи огороды, мыли и стригли овец, пряли господский лён и т. д.

Однако непроизводительность принудительного бесплатного труда крестьян и частые крестьянские волнения заставили помещиков переменить форму эксплуатации, особенно в районах, расположенных вблизи рынков сбыта, а затем поставить вопрос и о ликвидации крепостного права.

Ярким показателем невыгодности принудительного труда являются цены на земли, заселённые и незаселённые. Средние цены в крае за одну десятину земли, проданной по купчим крепостям за период 1854—1859 гг., были³⁷:

	Заселённая	Незаселённая
В Виленской губернии	13 р. 56 коп.	12 р. 04 коп.
В Гродненской "	16 р. 53 коп.	22 р. 34 коп.
В Ковенской "	16 р. 75 коп.	21 р. 80 коп.

В тот же период десятину земли, проданной с публичных торгов, стоила³⁸:

	Заселённая	Незаселённая
В Виленской губернии	14 р. 69 коп.	16 р. 52 коп.
В Гродненской "	20 р. 09 коп.	23 р. 92 коп.
В Ковенской "	18 р. 41 коп.	20 р. 06 коп.

³³ Жидкова З. «Материалы по истории крестьянского движения в 50-х годах». (Рукопись Института истории Академии наук СССР), стр. 17. ЦГИАЛ. ф. МВД ДОД. Отчёт виленского губернатора за 1851 г., л. 67, 68, 69.

³⁴ Там же, стр. 428—435.

³⁵ Ленин. Соч. Т. III, стр. 139. 3-е изд.

³⁶ ЦГИА Литовской ССР, ф. канцелярии генерал-губернатора, 1860 г., д. 503, л. 45.

³⁷ ЦГИА Литовской ССР, ф. КГГ 1858 г., д. 1143, ч. 1-я, лл. 248—257, 131, 158, 86—103.

³⁸ Там же.

Следовательно, земли незаселённые, без крепостных крестьян, ценились значительно дороже, чем заселённые, за исключением более отсталой губернии — Виленской.

Одной из основных причин перевода крестьян на оброк была невозможность интенсификации хозяйства при барщине. Е. Петерсон, изучавший имения Ковенской губернии, перешедшие на оброк в предреформенные годы, писал: «Завести напряжённые хозяйства с плодосменными севооборотами при барщине совершенно невозможно, по чрезвычайной ленивости и небрежности тяглых людей, принуждённых трудиться без соразмерного вознаграждения; чтобы иметь хороших работников, нужно было нанять их по добровольно условленным ценам»³⁹. На невозможность при барщине интенсифицировать труд указывали также ковенские помещики, когда требовали перевода повинностей крестьян на оброк.

Что представляло собой помещичье имение после перехода на оброчную систему? Помещики переводили крестьян на оброк с тем, чтобы получить с имения больше дохода, чем они имели раньше. Оброчная система была явлением новым, и поэтому способы ведения хозяйства при ней в различных имениях были крайне разнообразны. В некоторых случаях помещики покупали скот, инвентарь, нанимали рабочих из своих же крепостных или из вольных людей и заводили своё хозяйство, крестьяне же оставались на прежних участках и переводились на оброк. В других случаях помещики сдавали фольварковые земли в аренду своим крестьянам, шляхте или вольным людям или заводили так называемый железный инвентарь.

Отказ от барщины и переход на оброк во многих случаях приводили к значительным результатам. Е. Петерсон писал: «В немногих имениях, которые в продолжение одного месяца я успел рассмотреть, оказалось, что введение плодопеременных многосевных севооборотов с вольнонаёмными рабочими возвысило урожай хлебов и позволило увеличить производство кормовых трав. Вместо прежних урожаев, от сам 5 до сам 8, получают урожаи от сам 6 до сам 10... Умножение кормов позволило содержать большое количество скота и лучше удобрять поля. Наём рабочих по вольным ценам устранил все затруднения, которые барщина противопоставляла употреблению усовершенствованных земледельческих орудий и лучшего упрямого скота, вследствие чего и ускорилось производство работ, так что они теперь исполняются своевременно и не подвергают хозяйства столь большим рискам, как прежде»⁴⁰.

В переходивших на оброк имениях обычно вводилось многополье, заводился хороший скот, появлялись машины. Возрастала производительность труда вольнонаёмных рабочих по сравнению с трудом крепостных. Оказалось, что вместо 100 пеших дней барщины требовалось только 60 дней труда вольнонаёмных, вместо 100 конных дней, при работе на тех же лошадях и при прежних кормах, — 80 дней, при подкармливании же лошадей овсом требовалось всего 60 дней, а при работе на хороших лошадях — только 40 дней⁴¹.

По сообщению Петерсона, помещиков вполне удовлетворял переход на вольнонаёмный труд, и они «выразили убеждение, что реформа им выгодна и что они ни под какими условиями не желают возвратиться к барщине»⁴².

Приведём несколько примеров помещичьих хозяйств, в которых помещики отказались от барщины. Одним из них было имение Р. Тизенгауза-Рокишки в Ново-Александровском уезде, Ковенской губернии. Это было крупное поместье, в котором насчитывалось 18 843 десятины удобной земли и 7607 крепостных крестьян. Большинство крестьян раньше

³⁹ Петерсон Е. Указ. соч., стр. 141.

⁴⁰ Там же, стр. 144.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 145.

были барщинными, частью полуоброчными и оброчными. Из 34 730 руб. повинностей, следовавших с крестьян, 11 426 руб. выплачивалось деньгами, остальные — работой. Повинности эти были настолько велики, что к 1852 г. крестьяне задолжали владельцу 71 тыс. рублей. В 1853 г. Тизенгауз перевёл крестьян на оброк, оставив лишь небольшую долю натуральных повинностей. При этом он «простил» им все долги. Мероприятие оказалось настолько эффективным, что уже со следующего года крестьяне уплачивали оброк полностью и во-время. С переводом на оброк крестьяне стали «заметно прилежнее», у них увеличилось количество скота, лучше стали обрабатываться поля, начали исчезать курные хаты, появилась школа, число корчем сократилось с 70 до 3 (в период с 1839 по 1859 г.). Благополучие это, однако, коснулось не всех крестьян, так как с переходом на оброк резко увеличилось расслоение крестьянства, и беднейшая часть его, оставаясь крепостной, попала ещё в кабалу к богатым крестьянам⁴³.

В Юрбургском майоратном имении князя Васильчикова (Россиенский уезд, Ковенской губернии) при переходе на оброчную систему крестьянам была оставлена земля, которой они раньше пользовались. Обработка помещичьей земли стала производиться с помощью нанятых рабочих. Были построены сараи для скота и инвентаря, дома для батраков, куплены скот и сельскохозяйственные машины (в Тильзите и Риге). В результате перехода на оброчную систему доход имения за год увеличился на 2297 руб. 77 коп.⁴⁴

В имении помещика Бурбы (Ковенский уезд) часть крестьян была переведена на оброк, а работа на господском поле выполнялась вольнонаёмными.

В северной части Ковенской губернии получил распространение так называемый железный инвентарь. Сущность этой системы заключалась в том, что помещик дробил имение на небольшие участки, возводил на них постройки, давал к ним скот и инвентарь, т. е. создавал небольшие самостоятельные хозяйства, которые предлагал арендовать за определённую плату любому желающему. Таким образом, всякий совершенно немущий крестьянин мог сесть на этот участок и начать хозяйничать. Это была ловкая приманка для батраков. Многие из них, соблазнённые перспективой стать хозяевами, брали участки, но мало кто мог выполнить условия аренды, так как помещик требовал очень высокую арендную плату, кроме того крестьянин нес ещё ответственность за предоставленный в его пользование скот, инвентарь и постройки⁴⁵.

В некоторых случаях помещики отбирали у крестьян участки и превращали крестьян в батраков.

Естественно, что, интенсифицируя своё хозяйство, помещики переходили к новой технике, заводили более совершенные сельскохозяйственные машины, ускорявшие и улучшавшие процессы работ. Пахали ещё преимущественно сохой, но часто применяли и плуги. Плуг давно уже перестал быть новинкой и редкостью. Шпилевский, например, писал, что в соседней Минской губернии в 1853 г. «машиной косят и жнут, машиной молотят и сеют, машиной пашут»⁴⁶. Пахота машиной, конечно, — фантазия автора. Под машиной он, видимо, подразумевал плуг. Боронили деревянной и железной боронами, хотя не вышел ещё из употребления и первобытный смык. Применялись драпач и железный каток. Жали преимущественно серпами⁴⁷ (косили урожаем редко), а в 50-х годах на полях появились жат-

⁴³ См. Петерсон Е. Указ. соч., стр. 145.

⁴⁴ Там же, стр. 148—156. При барщинном хозяйстве доход составлял 19 104 руб. в год, а после перехода на вольнонаёмный труд — 21 402 руб.

⁴⁵ Там же, стр. 146.

⁴⁶ Шпилевский П. «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», стр. 108.

⁴⁷ Корева А. Указ. соч., стр. 437—438; Кнюпфер. Указ. соч. ЖМГИ. 1846, № 20, стр. 57.

ки как отечественного производства, так и заграничные⁴⁸. Молотили уро- жай молотилками и цепами, причём цепами молотили уже только в не- больших имениях⁴⁹. Для окучевания картофеля употребляли бороздник⁵⁰. Широко применялись ручные и конные веялки и соломорезки. У помещика Виленской губернии Ясенского имелись: чугунный каток, норвежские бо- роны, плуги разных систем, американская молотилка и жнейка системы Мак Кормик⁵¹. Фабрика Вермана близ Риги предлагала для продажи плу- ги, сеялки, американские жатки, молотилки, веялки, машины для тре- панья льна, для резки свёклы, для корчевания пней⁵². Все эти машины были иностранного происхождения. Однако уже имелся и собственный конструктор сельскохозяйственных машин. Это был владелец имения До- стоево, в Пинском уезде, Минской губернии, Якушик. Якушик был неудо- мим в изобретениях. Каждый год он предлагал публике какую-либо из своих вновь изобретённых машин. Он изобрёл и пустил в продажу молотилку пароконную, трёх- и четырёхконную, жнейку (испытанную в Горыго- рецком земледельческом училище), машины для копки канав и распилки досок и даже соху, «которая, будучи запряжена парю лошадей или бы- ков, пашет за четыре сохи»⁵³. Повидимому, это были вполне пригодные для работы машины. Якушик так рекламировал свои изделия: «Если при- нять в уважение затруднения при ручном жатии и убытки, наносимые от опоздания снятия хлеба с полей, легко убедиться, что польза этой машины (жнейки.— Н. У.) несомненна, очевидна и с избытком вознаграждает из- держки»⁵⁴. Объявления о машинах Якушика печатались в течение десяти лет. Он даже расширил своё производство, создав филиал Достоевской мастерской. Якушик не был одинок в деле изобретения сельскохозяй- ственных машин. Летом 1857 г. владелец имения Гервяты, Вилейского уезда, Виленской губернии, Казимир Домейко применил изобретённую им жнейку. О её пробной работе писал Игнатий Ходзько⁵⁵.

Механизация, конечно, не была всеобщей или даже широкой но, тем не менее, основы её были заложены ещё до реформы, а «применение ма- шин к земледелию носит капиталистический характер, т.-е. ведёт к обра- зованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их»⁵⁶.

Помещичьи крестьян в рассматриваемых трёх губерниях в 1858 г. было 1 128 985 человек, или 41,1% всего населения. В Виленской губер- нии крепостных крестьян было 402 549 (45,95%), в Гродненской — 361 790 человек (40,97%) и в Ковенской — 364 646 человек (36,9%)⁵⁷. Перед реформой сократилось как абсолютное, так и относительное число кре- постных крестьян. Хотя в связи с общим приростом населения с 1835 по 1858 г. (с 8-й по 10-ю ревизию) общее число мужчин возросло с 1 200 898 до 1 350 702 человек, число крепостных крестьян сократилось с 573 583 че- ловек до 547 065 человек⁵⁸.

Сокращение числа крепостных при возраставшей интенсификации по- мещичьего хозяйства неизбежно вело к усилению и к поискам новых форм эксплуатации крестьян.

Основной причиной сокращения числа крепостных крестьян являлось прогрессирувавшее ухудшение положения крестьян в последние годы су-

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт гродненского губернатора за 1859 г., л. 11; «Вилен- ский вестник» за 1857 г., № 68.

⁴⁹ Корева А. Указ. соч., стр. 439; Афанасьев Д. Указ. соч., стр. 368.

⁵⁰ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 28.

⁵¹ «Виленский вестник» за 1857 г., № 68.

⁵² Там же за 1855 г., № 110.

⁵³ Там же за 1850 г., № 16, 18. Прибавление.

⁵⁴ Там же, № 16. Прибавление.

⁵⁵ Там же за 1857 г., № 68.

⁵⁶ Ленин. Соч. Т. III, стр. 169.

⁵⁷ Тройницкий А. «Крепостное поселение в России по 10-й народной переписи», стр. 49. СПб. 1861.

⁵⁸ Кеппен П. «Девятая ревизия», стр. 199. СПб. 1857; Тройницкий А. Указ соч., стр. 40, 60.

ществования крепостного права. Низкая техника крестьянского хозяйства, и то, что крестьяне все лучшие дни (а иногда и вообще все дни) работали у помещика, а на своих полях только по ночам или в ненастье, привела к тому, что неурожай и голод стали обычным явлением. Сильнейшие неурожаи в Белоруссии (в Литве они были значительно слабее) имели место в 1844—1846 гг., а затем почти непрерывно — с 1849 по 1855 год. Кроме того с 1848 по 1852 г. свирепствовали холера и тиф, а с 1853 г. в связи с Крымской войной усилились всевозможные государственные повинности. В результате всего этого крестьяне разорялись, голодали, вымирали или разбегались. В имении Геронимово, в Бельском уезде, Гродненской губернии, по 9-й ревизии числилось 1195 душ, а по 10-й — 989; 73 двора этого имения опустело⁵⁹. В деревнях Скрибичи, Жуки, Кудричи (Белостокский уезд) опустело 11 дворов⁶⁰ и т. д. Как правило, помещики присоединяли эти опустевшие участки к фольварковой земле. Однако сокращение крестьянских земель происходило не только в результате уменьшения числа крепостных. Оно наблюдалось в течение всей первой половины XIX века (и раньше), в последние же годы перед реформой и, в частности, после опубликования рескрипта 20 ноября 1857 г. оно приняло огромные размеры. Помещики стали сгонять с земли целые деревни и выгонять обезземеленных крестьян из имений.

Система третьяка предполагала наличие у крестьян двух третей земли имений. В эпоху преобладания натурального хозяйства так, видимо, и было. Но перед реформой обрабатываемой земли, т. е. пашни и сенокосов, в Виленской губернии было: у крестьян — 52,9%, а у помещиков — 47,1%⁶¹. Почти то же явление видим и в Гродненской губернии, где у крестьян было 55,8%, а у помещиков — 44,2% земель⁶². Всей земли (с лесом) у помещиков было 66,6%, а у крестьян — 33,4%⁶³.

Таким образом, к моменту реформы произошло существенное перераспределение земель в пользу помещиков. Масса крестьян оказалась лишённой земельных наделов вообще, а ещё большая часть крестьян была переведена на карликовые участки, не обеспечивавшие им прожиточного минимума.

Но общее сокращение крестьянского землепользования происходило не в условиях нивелирования крестьянских участков, а, наоборот, в условиях дифференциации. Нормальным крестьянским участком в Литве и Белоруссии считалась волюка, т. е. участок размером около 21 гектара. При слабой урожайности почв и низкой технике земледелия это был минимум. Однако размеры стандартного участка претерпели большие изменения. С одной стороны, они уменьшились для большинства крестьянства, с другой стороны, у меньшинства крестьян они значительно увеличились. Всё это, а тем более появление большого числа безземельных крестьян указывало на происходившую среди крестьян дифференциацию⁶⁴.

Наиболее различались по размерам крестьянские участки в Ковенской губернии — от 3 до 80 десятин. Для Шавельского и Тельшевского уездов в имениях крупных помещиков наиболее типичными были участки в 30—40 дес., но встречались и в 60—80 десятин. В Ново-Александровском и Вилькомирском уездах преобладали 20-десятинные участки. В Ковенском и Поневежском — по 15—20 десятин⁶⁵. Хуже всего были наделены землёй крестьяне мелкопоместных помещиков (имевших менее

⁵⁹ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858 г., д. 1139.

⁶⁰ Там же, д. 1158, лл. 1—2.

⁶¹ Корева А. Указ. соч., стр. 486.

⁶² Бобровский П. Указ. соч. Ч. 1-я, стр. 761.

⁶³ Там же.

⁶⁴ К сожалению, никаких сводных статистических данных о размерах крестьянских участков нет, и мы пользуемся разрозненными данными, но и они достаточно убедительно свидетельствуют, как далеко зашла перед реформой дифференциация крестьян.

⁶⁵ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Ковенская губ., стр. 29—31.

21 души крестьян). Чаще всего крестьяне этих помещиков обычно работали батраками.

Но безземельные крестьяне имелись не только в мелких имениях, но и в средних и крупных. Наибольшее число безземельных было в более развитых уездах губернии — Шавельском, Тельшевском и Поневежском: в Тельшевском (без семей) — 6801, в Шавельском — 7976 и в Поневежском — 8720 человек⁶⁶; общий процент безземельных помещичьих крестьян Ковенской губернии составлял перед реформой 22,1.

Следовательно, важнейшее условие существования феодально-крепостнической системы, т. е. наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землей в частности, было основательно подорвано.

В Виленской губернии лучше всего были обеспечены землей крестьяне средних помещиков (имевших 21—100 душ). В Свеняцком уезде 12,1% всех крестьян средних помещиков имели земли несколько больше 20 десятин. Значительно хуже в этой губернии были наделены землей крестьяне крупнейших помещиков — князя Витгенштейна, графини Замойской, графа Чапского. Из 1212 крестьянских хозяйств, принадлежавших Витгенштейну, 11,4% имели от 1 до 7 дес.; 61,2% — от 10 до 14 дес., 26% — от 15 до 20 и 1,5% — свыше 20⁶⁷. У Замойской типичны были наделы в 12—16 дес.⁶⁸, у Чапского — 10 и 15⁶⁹. Как и в Ковенской губернии, в Виленской крестьяне мелкопоместных помещиков являлись преимущественно батраками⁷⁰. По Гродненской губернии в нашем распоряжении имеются только средние данные по отдельным уездам: в Сокольском уезде на двор в среднем приходилось 10,5 дес., в Слонимском — 18 десятин⁷¹. Всего безземельных крестьян перед реформой (без семей) в Виленской губернии насчитывалось 3924, в Гродненской — 12 853 и в Ковенской — 32 063 человека⁷².

Одним из наиболее частых поводов к крестьянским волнениям в описываемый период наряду с жестокостями помещиков и требованиями повинностей сверх инвентарных было обезземеление крестьян и перевод их на уменьшенные или худшие участки. Инвентарные правила 1844 г., как и правила губернских инвентарных комитетов белорусских и литовских губерний 1846 г., не устанавливали неотчуждаемости крестьянских земель (такое правило было осуществлено только для губерний Правобережной Украины). Однако под влиянием настойчивых требований крестьян неотчуждаемость была установлена в проектах инвентарных правил 1850—1854 годов.

Как указывалось выше, крестьянство Литвы и Западной Белоруссии уже перед реформой было глубоко дифференцировано. Разница между зажиточным крестьянином и безземельным батраком была огромная. Наиболее мощной была прослойка богатых крестьян в Жмуди, где преобладающим типом хозяйства являлась ферма.

Размер земельных владений фермера составлял обычно 30—40, иногда 70 — 80 десятин. Крестьяне-фермеры имели по 4 — 6 рабочих лошадей, 12 — 18 коров, много свиней и овец. Жили они в просторных домах, хорошо питались, одежду и обувь носили фабричного изготовления. Они владели улучшенным инвентарем и начали переводить своё хозяйство на многополье. Значительное количество льна, зерна и скота фермеры сбывали на рынок, создавая таким образом денежные накопления,

⁶⁶ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, д. 1147, л. 239.

⁶⁷ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Виленская губ., стр. 2—16.

⁶⁸ Там же, стр. 23—27.

⁶⁹ Там же, стр. 6.

⁷⁰ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, д. 1147, л. 4—5.

⁷¹ Там же, д. 1143, ч. 1-я, л. 376, 390.

⁷² ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, д. 1143, ч. 1-я, л. 239, 376, 390.

Хозяин фермы сам в работе уже не участвовал. Основные работы производились нанятыми батраками⁷³. Если фермер или вообще богатый крестьянин был обязан отбывать барщину, он обычно посылал вместо себя батрака.

Основная масса безземельных крестьян не имела даже своих собственных хат и жила в домах своих хозяев — помещиков и крестьян. В Виленской губернии 3578 батраков жили в домах хозяев и только 346 — в своих; в Гродненской губернии — соответственно 11 371 и 1073 и в Ковенской — 2417 и 1263. Обычно этих безземельных батраков называли кутниками, т. е. обитателями углов, бобылями, или паробками, что по-белорусски означает батрак.

Батраки, работавшие у помещиков, жили в домах-казармах. За работу они получали деньги, продукты, корм для своего скота и небольшой участок для посева. В 1859 г. в Юрбургском имении Васильчикова (Россиенский уезд, Ковенской губернии) батраки получали за год 24 руб. деньгами, продуктов на 52 р. 11 к., участок земли в 400 сажен для посева, корм для коровы и квартиру. Всего на 100 руб. серебром. За это батраки должны были работать на хозяина (в своей одежде) шесть дней в неделю и кроме того по праздникам поочередно присматривать за скотом. Летом каждый батрак обязан был на 60 дней поставлять себе помощника не моложе 18 лет или двоих моложе 18 лет⁷⁴.

У крестьян батраки жили обычно на чёрной половине дома, зимой вместе с козами, овцами, поросятами⁷⁵. В Таурогенском имении батрак крестьянина в 1859 г. получал за год 24 руб. деньгами, продуктов на 19 руб., участок земли в 300 сажен и квартиру — всего на 74 руб. Работать батрак должен был шесть дней в неделю⁷⁶.

К безземельным батракам очень близко примыкали огородники, т. е. крестьяне, имевшие хату и огороды, и вообще крестьяне, имевшие менее 10 десятин земли. Такие участки не могли прокормить семью, и крестьяне, сидевшие на них, вынуждены были искать себе заработков. Такие бедняки в Гродненской губернии составляли 25% крестьянства⁷⁷.

Хотя размер повинностей крестьян в пользу помещиков определялся инвентарём, но злоупотребления со стороны помещиков были неизбежны, и все расчёты имели совершенно формальный характер.

Крестьянские повинности делились на основные и добавочные. К основным относились барщина (пригон) и сгоны, или гвалты. Обычно нормой барщины с волока было три дня мужских конных и три дня женских пеших в неделю — 312 дней в году. Но в отдельных уездах (Дисненский уезд, Виленской губернии) крестьяне в большинстве случаев отбывали с волока по 4 дня в неделю, т. е. по 516 дней в году. Нередки были случаи, когда по 3 дня в неделю отрабатывали с участков в 13 — 14 десятин. Так было в имениях Старины, Сосновщина, Рогозны, Петровщина, Красняны, Гелиянов, Берёзовка, Ситце, Дорошкевичи, Лонка, Дубичи, Беница, Вишнево, Поречье и др.⁷⁸ В Ковенской губернии, где земли были плодороднее и доход с участков выше, барщина с волоки отбывалась от 4 до 6 дней в неделю.

Вторым видом основной повинности были гвалты, или сгоны. Вместе с данинами, т. е. разнообразными вещественными сборами, гвалты были древнейшей повинностью крестьян. Гвалтом называли срочный выход всего трудоспособного населения на работу. Чаше всего гвалты применя-

⁷³ Петерсон Е. Указ. соч., стр. 194. ЦГИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, л. 468, л. 14—17; Tripplin. Dziennik podrozy po Litucie i Zmudi, odbytej w roku 1856», стр. 72—73. Wilno. 1858.

⁷⁴ Петерсон Е. Указ. соч., стр. 154—155.

⁷⁵ Tripplin. Указ. соч., стр. 72—73.

⁷⁶ Петерсон Е. Указ. соч., стр. 175.

⁷⁷ См. Бобровский П. Указ. соч., стр. 812, 813.

⁷⁸ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 8. Виленская губ., стр. 6—23.

лись при уборке сена и урожая. В Виленской губернии гвалты обычно следовали с рабочей души, а в Ковенской они чаще отбывались с участка. С души следовало гвалтов от 4 до 24 дней в году, чаще всего 12 дней. В некоторых случаях, количество сгонов с души поднималось до 30 дней (имения Роговки, Поливень и Вошокляны в Ковенском уезде), до 36 (имения Аненово в Ковенском уезде) и даже до 54 дней (имения Швабишки в Ковенском уезде)⁷⁹. В некоторых имениях сгоны заменялись определёнными уроками: обработать 2 десятины земли, сжать и свозить с них урожай (имение Конюхи, Виленского уезда)⁸⁰, сжать по моргу озимого и ярового хлеба⁸¹ и т. д. Крестьяне ненавидели этот вид повинности более чем пригон и считали его самым обременительным и разорительным⁸².

Основными видами дополнительной повинности были шарварки (строительные работы) и подводная повинность (подорощина). Эти работы производились обычно после окончания полевых работ и отбывались чаще всего с двора. С участка следовало строительной повинности от 6 до 12 дней в году. Подводная повинность, или подорощина, заключалась в перевозке различных грузов. Везли груз обычно к морским портам или речным пристаням. Предельное расстояние устанавливалось в 300 вёрст в один конец. Наиболее трудными были нормы подводной повинности в Гродненской губернии. К дополнительным повинностям относились также ночной караул и женские работы, или послуги, заключавшиеся в прядении льна, выделке холстов и сукон. К ним же относились дани, или вещественные сборы⁸³. Дани, повидимому, имели тенденцию переходить с натуральной оплаты на денежную. Размеры денежной дани были очень разнообразны. В имениях Замойской, в Виленской губернии, денежная стоимость дани колебалась от 1 руб. 59½ коп. до 3 руб. 51½ копеек⁸⁴. В Ковенской губернии дани назначались от 2 до 24 руб., но чаще всего 8—12 рублей⁸⁵.

Особой повинностью были окурки (ночная молотьба сушёного хлеба) и сторожество. Сторожество заключалось в рубке и доставке дров на место, топке печей, присмотре за скотом и птицей, обработке, посадке, поливке и прополке окородов⁸⁶.

Перечисленные повинности шли с крестьян, имевших пашню. С огородников, т. е. с крестьян, имевших только усадьбы и огороды, повинности поступали пропорционально доходности их участков⁸⁷. Безземельные крестьяне обычно отработывали 8 дней в году. При оброчной системе, по правилам, крестьянин должен был отдать помещику 1/3 валового дохода с участка, фактически же помещик брал столько, сколько мог выжать из крестьянина.

Кроме утверждённых инвентарями повинностей, на крестьянах лежала масса других, вытекавших уже из экономической зависимости крестьян от их владельцев. Так, в случае неспособности крестьян уплатить государственные повинности за них платил помещик, но затем крестьяне должны были ему отработывать.

При бедности крестьян они часто и в обычные урожайные годы брали у помещиков займы хлеб или деньги, тем более это приходилось делать в

⁷⁹ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Ковенская губерния, стр. 10—11.

⁸⁰ Там же. Виленская губерния, стр. 4, 5.

⁸¹ Там же, стр. 18, 19.

⁸² Журнал Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. I, стр. 316.

⁸³ Первое издание материалов Редакционных комиссий. Т. IV. Инвентарные правила, стр. 22.

⁸⁴ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Виленская губ., стр. 22—27.

⁸⁵ Там же. Ковенская губ.

⁸⁶ Там же. Ковенская губ., Виленская губ., стр. 22—23.

⁸⁷ Первое издание материалов Редакционных комиссий. Ч. 4-я. Инвентарные правила, стр. 9.

неурожайные годы, когда масса крестьян голодала. Суды эти давались крестьянам на кабальных условиях. Всяческие долги и проценты по ним накапливались десятилетиями и достигали колоссальных размеров. Крестьяне в предреформенный период часто оказывались в подчинении у помещиков не только как у феодалов, но и как у ростовщиков. Помещики строго взыскивали свои суды⁸⁸.

В случае, если помещик почему-либо не имел возможности использовать крестьян на работе у себя в имении, он отправлял их на работу на сторону: на постройку железных и шоссейных дорог, на сплав леса и т. д. Это была одна из самых тяжёлых форм эксплуатации. Помещик получал от подрядчика плату за рабочих вперёд, и крестьяне должны были работать бесплатно.

Не считаясь ни с какими инвентарями и нормами повинностей, помещики беспощадно эксплуатировали своих крестьян, заставляя их работать на себя круглый год.

В августе 1857 г. крестьяне имения Струнойць, Свенцянского уезда, Виленской губ., жаловались, что их помещик Масловский заставляет их работать все дни недели, кроме воскресенья, и довёл их до полной нищеты⁸⁹.

Помещик Виленского уезда Даукша гнал на барщину «без изъятия и в неделю из хаты по трёх людей или сколько в хате находится, а записывал в книгу у себя будто бы один человек из хаты отбывает в неделю пять дней барщины». Кроме того он требовал шарварков, гвалтов по 24 дня и отвезти 4 раза грузы в Вильно. Сверх того Даукша требовал с крестьян ещё яиц, дыплат, полотна, а если у тех не было, избивал их так жестоко, что несколько человек умерли, некоторые были изувечены, а часть разбежалась. Даукша сам собирал с крестьян государственные подати, но собирал без счёта, т. е. больше, чем сдавал государству. Хлеб, собранный крестьянами в общественный магазин, он продал⁹⁰.

Эксплуатация крестьян в предреформенные годы достигла предела. Помещики обременяли крестьян всевозможными повинностями, отбирали землю или переводили на худшие участки, истязали, насильничали женщин и девушек. Крестьяне на всё это отвечали сопротивлением, имевшим самые разнообразные формы. Огромное число крестьян убежало от своих помещиков. Только в 1854 г. было задержано в трёх губерниях 2646, а в 1856 г. — 2177 человек⁹¹. Но недовольство крестьян проявлялось не только в пассивной форме. В целом ряде имений, преимущественно крупных, происходили активные выступления крестьян. Крестьяне оказывали сопротивление не только администрации имений, но и воинским командам, посылавшимся на их усмирение. Обычно крестьяне требовали перевода их в государственные или освобождения. Крупные волнения крестьян происходили в 1857 — 1861 гг. в имении Савичуны (Вилькомирский уезд, Ковенской губернии), принадлежавшем помещику Помарнацкому. Волнения в этом имении продолжались более трёх лет. Крестьяне держались очень стойко, несмотря на все применённые к ним репрессии. За три года они подали четыре жалобы императору. Крестьяне этого имения, бывшие частично на оброке, частично на барщине, отказывались выполнять барщину и заявляли, что больше не позволят наказывать себя. Они оскорбляли управляющего, а когда помещик вызывал одного, приходили все, чтобы уберечь товарища от репрессий. Прибывший в имение исправник сам ничего не смог сделать и попросил у Назимова воинскую команду. В имение была направлена комиссия, но и она ничего не добилась. Тогда

⁸⁸ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1860, д. 500, л. 17—18; ЦГИАЛ, ф. Департамент законов Государственного совета. 1855, д. 28—31, л. 386.

⁸⁹ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1857 г., д. 449, л. 6; ЦГИАЛ, ф. МВД, ДПИ. 1858, д. 554, л. 2.

⁹⁰ Там же, 1857, л. 491, л. 1.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёты губернаторов.

Назимов послал чиновника особых поручений майора Михнева, а ковенский губернатор — жандармского полковника Скворцова. Они признали, что помещик неправ (повинности потребовались сверх инвентаря), но всё же наказали крестьян и потребовали, чтобы те пошли на барщину. Крестьяне отказались, и тогда весной 1858 г. в имение был направлен эскадрон кавалерии. Солдаты заставили крестьян работать, но «дух непокорности» у них остался. В октябре 1860 г. воинская команда всё ещё была в имении. Она совершенно разорила крестьян, но «дух непокорности» в них всё ещё жил⁹². Подобные же волнения происходили в имении Бытень, Гродненской губернии⁹³, Юрбургском майорате (Ковенская губерния)⁹⁴ и др.

В заключение можно сказать, что в Литве и Западной Белоруссии предреформенных лет были подорваны все основные устои феодально-крепостнической системы: хозяйство быстро превращалось из натурального в товарно-денежное, значительная масса крестьян была лишена всех средств производства, техника хозяйства сделала значительные успехи, личная зависимость верхушки крестьян от власти помещиков сильно ослабла. Всё это с наибольшей силой проявилось в западных уездах Литвы и Белоруссии.

В связи с ростом товарности хозяйства помещики стали проводить в своих имениях ряд рационализаторских мероприятий. Важнейшим из них была ликвидация чересполосицы. На практике уничтожение чересполосицы означало массовый перевод крестьян на худшие участки, уменьшение размеров участков и, наконец, сгон крестьян с земли и превращение их в безземельных батраков. Такого рода «рационализация» естественно вызвала энергичное сопротивление крестьян. Кроме того массовое обезземеление вызвало тревогу и у правительства.

Желание получить право неограниченного распоряжения всей землёй имения (так же, как и желание получить в собственность всё недвижимое имущество крестьян) было важнейшим обстоятельством, заставившим помещиков поставить вопрос о переводе повинностей на чинш, а затем об освобождении крестьян. Требуя освобождения крестьян, помещики в то же время хотели освободиться от всех обязанностей в отношении к крестьянам, т. е. от ответственности за уплату податей и от обязанности кормить крепостных во время голода. В то же время помещики были уверены, что, лишённые всех средств производства и даже прав на свои усадебные постройки, крестьяне и после «освобождения» будут в полной зависимости от них. В новом, рационализированном юнкерском поместье бывшие крепостные должны были стать кабальными арендаторами или батраками, и производительность труда таких арендаторов должна была быть значительно выше, чем крепостных.

Выступления крестьян против помещиков, ставшие особенно частыми в последние годы перед реформой, дезорганизовывали помещичье хозяйство; в обстановке хронически бунтовавшей деревни помещики не успевали во-время ни посеять, ни убрать урожай, кроме того это движение грозило существованию всего господствовавшего строя.

Все эти обстоятельства и заставили помещиков Литвы и Белоруссии поставить вопрос о ликвидации крепостного права.

⁹² ГЦИАЛ Литовской ССР, ф. КГГ, 1857 г., д. 502.

⁹³ Жидкова З. Указ. соч., стр. 362—369.

⁹⁴ Там же, стр. 428—435.